

Лингвистический анализ художественного текста

Каждый подлинно художественный текст как явление искусства индивидуален, неповторим и требует при анализе внимательного, бережного отношения. Исследуя текст, мы опираемся не только на знания, логику, ум, память, но и откликаемся всей душой на его содержание.

Одной из важнейших задач учителя-словесника, работающего в условиях реализации ФГОС, является задача пробуждения у учеников исследовательского интереса, развития у них лингвистического «чутья».

Известно, что художественное произведение — это диалог писателя и читателя, а чтение произведения — это общение с писателем, его героями. Успех общения в большей мере зависит от того, каков читатель, умеет ли он чувствовать слово, умеет ли он вступить в общение с текстом, есть ли у него «чувство языка», одарен ли он «тонкостью понимания» и «гибкостью мысли», способен ли он оценить произведение литературы как явление искусства слова. Чтобы понять художественное произведение, оценить его по достоинству, надо к нему «приблизиться», проанализировать его язык, понять, как живут, употребляются в нем языковые средства (фонетические, лексические, словообразовательные и грамматические). Об этом нужно говорить на уроках с детьми, мотивируя их побуждение к деятельности, к работе над словом.

Важно не столько передать учащимся определённый объём знаний, сколько научить получать их самостоятельно. Школьники должны не просто читать, а познавать текст, видеть то, что скрыто от невнимательного глаза, - подтекст. Приобретению такого умения способствуют уроки, посвящённые лингвистическому анализу художественного текста.

Попробую показать, как это можно сделать при лингвистическом анализе сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескарь».

Школьниками текст воспринимается легко и почти не нуждается в лингвистическом комментировании. Стоит лишь пояснить значение таких слов, как:

жуировать «предаваться наслаждениям, удовольствиям (от фр. *jouir*)»;
моцион «ходьба, прогулка для укрепления здоровья или для отдыха»;
фразеологической единицы *аридовы веки* «очень долго».

Однако подтекст сказки требует глубинного анализа, так как его исследование способствует пониманию идейно-художественного своеобразия творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Итак, «Премудрый пескарь» - сказка. Традиции жанра соответствует уже само название: в русской народной сказке им часто служит имя либо постоянное нарицательное наименование главного героя, сопровождаемое характеризующим эпитетом, например: «Жадная старуха», «Кошей бессмертный», «Вороватый мужик» и др., причём в ряде сказок этот эпитет указывает на умственные способности персонажа: «Иванушка-дурачок», «Мудрая дева», «Елена Премудрая».

Здесь мы найдём и сказочный зачин («Жил-был пескарь...»), и характерные сказочные формулы («ни в сказке сказать, ни пером описать»). Как и следует сказке, произведение насыщено разговорной и просторечной лексикой: *приголубить, вцепишься, разомлел и др.*;

Среди них встречаются и характерные для языка фольклора тавтологические выражения: *воловом волокли, ходуном ходит, жить да поживать, день-деньской и т.п.*

Изобилует текст и разговорными фразеологическими единицами: *смотри в оба, ума палата, умом раскидывать, свой брат, счёт потеряли, страхов натерпелся, как полоумная, на ус намотал, бог даст и т.д.*

Если следовать традиционной классификации сказочных жанров, то «Премудрый пескарь» на первый взгляд сказка о животных. Главный персонаж и его окружение – рыбы: пескари, окуни, щуки, голавли, плотва, лещи – и прочие речные обитатели: рак, водяная блоха и т.д. Жизнь в реке

течёт по своим законам: сильный нападает на слабого, защитой каждый сам себе служит. А главный врагу них один, общий – человек со всякими «каверзами»: неводами, сетями, норотами и даже удой.

Сюжет сказки представляет собой историю маленького пискаря, стремящегося любыми средствами сохранить и продлить свою жизнь. Главный художественный приём, используемый в этом произведении, – антитеза, проявляющаяся на разных уровнях, начиная от детальных противопоставлений, которые реализуются на лексико-семантическом уровне, и кончая противопоставлениями содержательными, глобальными, обнаруживаемыми в композиционном строе произведения.

Обращаю внимание учащихся на то, что в сказке фигурируют три пары ключевых понятий: *жизнь – смерть; страх – смелость; ум – глупость*. Каждое из этих понятий многообразно выражается на лексико-фразеологическом уровне.

К примеру, слова: жить, поживать, прожить, жив, жизнь, житьё, жизненный – встретились в тексте 27 раз; смерть, умирать, помирать, предсмертный, мёртв – 17 раз; страхов натерпелся, ни жива ни мертва, дрожать – 19 раз; слова и выражения, характеризующие ум или глупость: умный, ума палата, умом раскидывать, премудрый, обезуметь, глупый – соответственно 15 и 7 раз.

Такая повторяемость перечисленных слов и выражений помогает писателю не только сосредоточить внимание читателя на наиболее значимой стороне произведения, но и высказать открыто своё отношение к поведению персонажа.

Главная цель пискаря – «помаленьку да полегоньку аридовы веки в реке» прожить, как это удалось его родителям. Главное состояние его – постоянный страх смерти; передаётся он в тексте через выражения «*до смерти замучить*», «*напрасною смертью погублять*», «*ан в мухе-то смерть*», «*смерть пришла*».

Пескарь приходит к твёрдому убеждению, что «жизнь прожить – не то что мутовку облизать». Предлагаю ученикам заглянуть в сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа», в котором эта поговорка отмечается и в других вариантах: «Жизнь пережить – не поле перейти. Жизнь прожить что море проплыть. Жизнь изжить – не лапоть сплести. Век изжить не мех сшить». В этом же сборнике находим выражения, обозначающие различные степени трудности, сложности каких-либо дел: «Это как лапоть сплести. Это не мутовку облизать. Это не вожжой трясти (т.е. помудрее будет)».

На выбор варианта, видимо, повлиял лексический состав поговорки. К пескариной жизни вряд ли бы подошли слова *поле*, *лапоть*, *рука*, *мех*. И море переплыть пескарю не так сложно, как человеку. Слово *мутовка*, включённое в поговорку в сказке, неоднозначно. Одно из значений – предмет домашней утвари в виде палочки с сучками на конце для размешивания. Именно это значение и лежит в основе выражения *что мутовку облизать*, т. е. «очень легко, просто». Однако у этого слова есть и другое значение: «группа ветвей, листьев или цветков, расположенных на стебле на одной высоте». Может быть, именно о такой мутовке – о верхушке водоросли – и думал пескарь, размышляя о превратностях своей судьбы?..

Кроме страха, в жизни персонажа ничего нет. Это чувство было знакомо и всей его родне: отец пескаря попал в невод, и «каких страхов он, старый пескарь, натерпелся покуда его по реке волокли, - это ни в сказке сказать, ни пером описать». В ожидании мужа пескариха тоже была «ни жива ни мертва». Но когда всё кончилось благополучно, испуг у пескарей прошёл.

В жизни премудрого пескаря страх поначалу возникал как ощущение временное: «Долбил он носом эту нору целый год и сколько страху в это время принял». Состояние страха прошло, что подчёркнуто употреблением глагола *принял* в форме совершенного вида. Но тут же автор с иронией отмечает, что пескарь, надумавший «лучше не есть, не пить, нежели с сытым желудком жизни лишиться», решил целыми днями «в норе сидеть и дрожать». Далее в тексте глагол *дрожать* всё время повторяется в форме

несовершенного вида, что усиливает впечатление постоянного ужаса персонажа перед жизнью:

«голодный в норе заляжет и будет опять дрожать»; *«всё дрожал, всё дрожал»;* *«начал, дрожа, помирать»;* *«жил – дрожал и умирал – дрожал»;* *«он жил и дрожал – только и всего».*

В конце концов пескарь устал от постоянного страха. Прожив больше ста лет, он задумался: имело ли смысл вообще жить? – и увидел никчёмность своей жизни (в тексте это выражено сочетанием *бесполезное существование*).

Обращаю внимание учащихся и на те лингвистические средства, с помощью которых М. Е. Салтыков-Щедрин переходит от сказки о животных к аллегорическому сатирическому повествованию. В разговорный стиль сказки неожиданно включаются книжные слова: *победы и одоления одерживал; чтоб пескаря семья укреплялась и процветала; чтоб пискари достаточное питание получали, чтоб не чуждались общественности.*

У премудрого пескаря не только привычки сопоставимы с человеческими, но и весь его образ жизни и даже мечты описаны в выражениях, которые вполне можно было бы вложить в уста говорящего о себе мелкого чиновника – современника автора:

коли хочешь жизнью жуировать; жалованья он не получает и прислуги не держит, ночью моцион делал; он не женился и детей не имел

Внутренний монолог умирающего пескаря, изложенный в форме не собственно-прямой речи, совмещающий два голоса – автора и персонажа, включает в себя серию риторических вопросов: «Какие были у него радости? Кого он утешил? Кому добрый совет подал?». Эти вопросы окончательно «очеловечивают» рыбёшку, связывают её «я» с «я» читателя, которого автор побуждает к размышлению. Свою собственную позицию писатель отчётливо излагает в этом же внутреннем монологе:

Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пескари могут считаться достойными гражданами. Кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пескари. Никому от них ни тепло, ни холодно,

никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят.

Достаточно лишь заменить два-три слова (*пескари – люди, в норах – дома*) – и перед нами обличительная речь против равнодушных членов общества.

Итак, к жизненной позиции и поведению своего героя автор относится отрицательно, что может подтвердить и анализ третьей пары ключевых понятий – «ум – глупость».

Как уже говорилось выше, в народной сказке в название часто вводится наименование главного действующего лица и его основная характеристика, которая затем раскрывается всем ходом повествования. Все «мудрые и премудрые» персонажи, как правило, действительно умны, что и помогает им с честью выходить из сложных ситуаций. Поначалу таким представляется будто бы и пескарь. В начале сказки говорится, что «отец и мать у него были умные», а у самого него «ума палата была» и стал «он этим умом раскидывать». Цена пескаринога ума, однако, оказывается невысока. Пескарь-отец, предостерегая сына от человеческого коварства, завещает беречься уды: «Потому что хоть и глупейший это снаряд, да ведь с нами, пескарями, что глупее, то вернее».

Характерно, что эмоционально нейтральное определение *умный* по отношению к главному герою в сказке не употреблено ни разу. Поскольку он «отлично запомнил поучения пескаря - отца да и на ус себе намотал», М. Е. Салтыков-Щедрин иронически называет его *просвещённым*, а затем – семь раз подряд – *премудрым*. Вслед за рассказом о том, что «с лишком сто лет» отказавшийся ото всех радостей жизни пескарь только и делал, что дрожал и одну думу думал: «Слава богу! Кажется, жив!», - автор насмешливо сообщает, что такое поведение можно оценить, как мудрость, которая позволила пескарю победить «козни врагов».

Ироническое отношение к «премудрости» персонажа подтверждается и тем, что, когда наконец пескарю приходят в голову разумные мысли, вместо

слов с корнем *мудр-* в текст снова возвращается слово *ум*: «Стал он раскидывать умом, которого у него была палата, и вдруг ему словно кто шепнул: ведь этак, пожалуй, весь пескарый род давно перевёлся бы!»

Презрительная авторская оценка героя подчёркивается также столкновением в тексте двух эмоционально и функционально-стилистически противоположных описаний одного и того же факта. Сам премудрый пискарь думает о себе напыщенно и выражается тяжеловесно, по-книжному:

Плывут себе мимо, а может быть, и не знают, что вот в этой норе премудрый пискарь свой жизненный процесс завершает!

Мысли на ту же тему прочих речных обитателей, соседей пискаря, изложены в разговорном стиле, с включением бранной лексики, с заменой характеристики *премудрый* словами противоположного значения – *дурак*, *остолоп*, *идол*:

...Не слышать даже, чтоб кто-нибудь премудрым его называл. Просто говорят: слышали вы про остолопа, который не ест, не пьёт, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит, а всё только распостылую свою жизнь бережёт?

Обращаю внимание учащихся на то, что финал сказки чрезвычайно выразителен. Он построен на приёме обманутого ожидания. Читатель с интересом следит за ходом событий и изменением эмоционального настроения премудрого пискаря. Сначала – «Кажется, что я жив? Ах, что-то завтра будет?»; затем – «Слава тебе, господи, жив!»; наконец – «Слава богу, я своею смертью помираю, так же как умерли мать и отец». От всех этих мыслей пискарь испытывает удовлетворение. Однако, оглянувшись на прожитую жизнь, он с ужасом увидел, что лишь «жил и дрожал – только и всего», что к концу жизни он подошёл «незрячий, измождённый, никому не нужный» и что голодная смерть становится желанным избавлением от бесполезного существования. Читатель ждёт конкретной развязки истории премудрого пискаря, но она не наступает. Пискарь незаметно исчезает, и обстоятельства его исчезновения остаются неизвестными. Как говорит автор, «свидетелей этому делу не было».

Такая неожиданная концовка позволяет ещё раз подчеркнуть бессмысленность жизни персонажа, премудрость которого превратилась в глупость. В соответствии с этим и сам эпитет *премудрый* воспринимается не как «очень мудрый», а как «перемудривший и наделавший вследствие этого глупостей».

Подытоживая анализ текста, подвожу своих учеников к выводу, что в сказке «Премудрый пескарь» содержится важный нравственный урок: трусость, страх, обывательское равнодушие ко всему на свете, кроме собственной персоны, рано или поздно лишает человеческую жизнь всякого смысла, житейская «премудрость» умерщвляет в людях ум, честь, совесть.

Опора на три ключевые оппозиции: *жизнь – смерть, смелость – трусость, ум – глупость*, реализуемые в многократных корневых повторах, позволяет писателю убедительно и эмоционально выразить свою гражданскую позицию. И в этом ему помогает русский народный язык, который Салтыков-Щедрин знал в совершенстве.

ВЫВОД

С высоты своего педагогического опыта я могу с уверенностью утверждать, что лингвистический анализ текста способствует формированию коммуникативной компетенции учащихся. В настоящее время необходимо серьёзно решать проблему соединения речевого развития и разностороннего формирования личности ребёнка с изучением языковой системы. Систематический комплексный анализ текста является мощным стимулом речевого развития учащихся, развития эмоциональной и интеллектуальной сфер его личности, расширения творческого потенциала учащихся, обеспечивает духовно - нравственное воспитание.

К лингвистическому анализу текста сегодня обращаются многие методисты, преподаватели вузов, учителя школ (Т.В. Кузнецова, автор-составитель программы по лингвистическому анализу художественного текста для школ, гимназий и лицеев гуманитарной направленности; В.В. Бабайцева, Л.В. Лисоченко, предложившие типовую схему лингвистического

анализа текста на уроках русского языка; много публикаций с предложениями всякого рода упражнений по лингвистическому анализу и образцов анализа того или иного художественного текста).

При лингвистическом анализе текста, по мнению современных исследователей, не должен нарушаться основной принцип — «учет единства формы, содержания и функции рассматриваемого языкового явления».

Преобладающее внимание к формальной стороне языковых фактов тормозит речевое развитие детей, так как односторонний подход к анализу порождает привычку поверхностного взгляда на языковое явление.

Лингвистический анализ текста со стороны содержания и формы позволяет относиться к изучаемым грамматическим явлениям как к элементам целого высказывания (речевого произведения), учит отбирать языковые средства с учетом конкретной речевой задачи.

Анализ художественных произведений, созданных великими мастерами слова, способствует формированию важнейшего коммуникативного умения учащихся — создавать собственный текст.